

18+

Евгения Пинат

ЧУЖИЕ ДЕТИ

Евгения Пинат

**Чужие дети. Пять историй
о надломленном детстве
и праве на любовь**

«Издательские решения»

Пинат Е.

Чужие дети. Пять историй о надломленном детстве и праве на любовь / Е. Пинат — «Издательские решения»,

Чужих детей не бывает? К сожалению, это не так. «Чужие дети» — цикл из пяти рассказов о надломленном детстве, надежде и праве на любовь. Это глубоко драматичные истории о тех, кого принято не замечать, и о шрамах, которые остаются в сердце навсегда. Вы столкнётесь с изнанкой приёмного материнства, моментами, когда взрослые ломаются под грузом ответственности, и первыми серьёзными решениями маленьких людей. Книга для любителей глубокой психологической прозы и социальных драм.

© Пинат Е.

© Издательские решения

Содержание

Посвящение	6
Эпиграф	7
Вступление	8
Светланка	9
Максим	15
За неделю до этого	16
Годом ранее	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Чужие дети

Пять историй о надломленном детстве и праве на любовь

Евгения Пинат

© Евгения Пинат, 2026

ISBN 978-5-0071-1779-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи, имена и события, описанные в настоящей книге, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными жизненными ситуациями является абсолютно случайным и непреднамеренным.

Посвящение

Посвящается всем детям, которым не хватило любви

Эпиграф

*Храни сердце своё более всего хранимого, потому что из него
источники жизни.*

Притч. 4:23

Вступление

В детстве мы принимаем жизнь такой, какая она есть — наполненной не только радостью, но и печалью, утратами, болезнями, а иногда и жестокостью. У детей почти отсутствует понятие несправедливости мира: они склонны искать причину негативных событий в себе и верят, что именно с ними что-то не так.

Вырастая, мы утрачиваем эту способность к безусловному принятию и стремимся винить в своих неудачах — а порой и в проступках — кого угодно, только не себя.

Но случается, что мы берём на себя ответственность, к которой совершенно не готовы. Не справляясь с этой ношей, мы начинаем искать оправдания, не желая видеть истинные причины своих слабостей и признавать причастность к происходящему.

И расплачиваться за это нередко приходится тем, кто слабее и беззащитнее нас.

Если бы мы, становясь взрослыми, сохраняли детскую чистоту сердца, мир вокруг нас, возможно, был бы совсем другим.

Светланка

Первый же год жизни принёс Светланке два испытания. Едва появившись на свет, она осталась совсем одна в палате родильного отделения. А ещё до того, как девочка научилась сидеть, врачи вынесли страшный, опасный диагноз.

Сама малышка обо всех своих несчастьях не догадывалась. Она просто цеплялась за жизнь как могла.

* * *

Галина почти перестала ждать любви. С самого детства её преследовало гнетущее чувство, будто с ней что-то не так. Она никогда не была избалована чужим вниманием. В то время как другие дети во дворе легко вызывали умиление и улыбки у соседей, в сторону маленькой Гали мало кто поворачивал голову.

Мама, переживая за кровиночку, нежно прижимала дочь к груди и, приглаживая её непослушные волосы, тихо вздыхала:

— В кого же ты у меня такая особенная уродилась? Ох и трудно тебе будет в жизни, доченька.

С годами мало что изменилось. Стоило Гале взглянуть в зеркало, как мамины слова тут же всплывали в памяти. Смирение с участью дурнушки пришло слишком рано. Хотя на самом деле из нескладного подростка она превратилась в девушку с самой обычной внешностью. В ней не было ничего отталкивающего, но и зацепиться взгляду было не за что. Галина стала одной из тех, кого трудно заметить в толпе и почти невозможно вспомнить после мимолетной встречи. Но детская обида успела сковать её липким коконом, в котором она всё сильнее ощущала своё несовершенство. Ей казалось, что это облако неуверенности видно каждому, и жизнь отскакивает от неё, как мяч от глухой стены.

В старших классах, когда подруги на переменах наперебой обсуждали парней, Галя мучительно переживала одиночество. На школьных вечерах она замирала у стены в ожидании приглашения на танец, но каждый раз оставалась незамеченной.

В институте за ней пытался ухаживать однокурсник. Однако после нескольких неловких свиданий эти робкие отношения сами собой сошли на нет.

Однажды Галя всё же решилась и сама сделала шаг навстречу счастью. Но всё закончилось болезненно банально: выяснилось, что мужчина женат. Впрочем, он не упустил случая воспользоваться её доверчивостью, прежде чем навсегда исчезнуть из её жизни.

После череды неудач Галина окончательно сдалась. Перестав сражаться со своей невидимостью, она покорно приняла одиночество.

* * *

Аркадий и сам не понимал, что заставило его выскочить на чужой остановке. Он сразу приметил эту женщину. В ней не было ничего особенного, но глаза... Они светились тихой, негражданской нежностью.

Глупая, почти юношеская робость мешала подойти и заговорить. Но стоило женщине сойти в трепещущую тень каштановой аллеи, как он, повинувшись внезапному порыву, шагнул следом.

Набраться смелости и заговорить Аркадий так и не решился. Он просто шёл поодаль, ловя каждый её шаг и боясь потерять незнакомку из виду.

Странно, — подумал он. — Вечер, а она не торопится. Неужели её никто не ждёт?

Он заворожённо наблюдал, как на изящную женскую фигуру ложатся причудливые тени раскидистых ветвей. Слабый ветерок подхватил шёлковый платок, перекинув его через хрупкое, почти девичье плечо, и ласково играл им, изредка касаясь щеки. Аркадий шёл следом, словно в бреду, не в силах отвести взгляда.

Женщина медленно шла по аллее, погружавшейся в сумерки. Возле книжного магазина она остановилась и скрылась за дверью. Аркадий шагнул следом.

Войдя внутрь, он тут же заметил её у стеллажа с поэзией. Поглядывая на незнакомку украдкой, Аркадий снял с полки первый попавшийся том, даже не взглянув на обложку.

— Любите Есенина?

Смушение на мгновение лишило Аркадия способности говорить. В её глазах цвета пасмурного неба мерцала едва уловимая улыбка. Но вдруг он понял, что ждал именно этого — её голоса. Тёплый, обволакивающий, он оказался точно таким, каким Аркадий его и воображал.

Щёки Галины вспыхнули: слова сорвались с губ прежде, чем она успела их обдумать. Присутствие этого высокого человека в тёмном пальто она ощутила ещё в автобусе — кожей почувствовала его пристальный взгляд, полный нескрываемого интереса. Но чтобы заговорить первой! Такого Галя от себя не ожидала.

Домой она вернулась только под утро — с томиком Есенина в руках и совершенно счастливая. С Аркадием время пролетело незаметно.

Так же стремительно промчался и год. Счастье переполняло Галину. Впервые в жизни она любила и верила, что это взаимно. Казалось, чары материнского пророчества наконец рассеялись, и ей удалось вырваться из липкого кокона одиночества. Аркадий окутал её невиданной прежде нежностью. Рядом с ним наступало умиротворение, сердце успокаивалось, и можно было больше не бояться будущего. В этом тихом, нечаянном счастье она видела только их двоих. И новую жизнь, уже зародившуюся под сердцем.

Хрупкий мир дал трещину, когда она решила сообщить ему о беременности. И разлетелся вдребезги, когда Аркадий, устав уговаривать её избавиться от ребёнка, хлопнул дверью и ушёл. Туда, где его ждали привычный уют и покой. К законной жене. Лишние проблемы и чужие дети ему были не нужны.

От переживаний за дочь тяжело заболела мама. А ещё спустя несколько месяцев всё рухнуло окончательно. Мамы не стало.

Галя осталась совсем одна.

* * *

— Может быть, подумаешь ещё? Как жить-то будешь, зная, что где-то твоя доченька растёт? Опомнишься — да поздно будет.

Старенькая нянечка поставила поднос с полдником на тумбочку родильницы. Галина молча отвернулась к стене и закрыла глаза.

* * *

Имя брошенной малышке дали сразу. Ещё в родильном отделении медсёстры нарекли её Светланкой — уж больно милым и светлым было личико новорождённой. Поскольку в доме малютки мест не нашлось, девочку временно перевели в детскую больницу. Там, спустя несколько недель, врачи и обнаружили страшный недуг.

Несмотря на страдания, крошка оставалась удивительно солнечной. Улыбка исчезала с её лица лишь в моменты тяжёлых процедур, и вскоре весь персонал души не чаял в маленькой пациентке. Светланка словно притягивала к себе любовь: и врачи, и медсёстры ловили любой момент, чтобы заглянуть в палату, взять её на руки, приласкать или поиграть с ней. Девочка жадно впитывала каждое прикосновение и доброе слово, будто боялась упустить хоть каплю живого тепла.

И кто знает, быть может, именно этот недетский стойкий характер и отчаянная воля к жизни помогли ей выстоять. Болезнь отступила. Спустя месяцы борьбы пришла долгожданная ремиссия.

Как раз к этому времени в доме малютки освободилось место.

Другого дома у Светланки не было.

* * *

Тем летом Аня провалила экзамены в медицинский, и ей пришлось искать работу. В доме малютки как раз требовались нянечки. Главврач пообещал девушке отличную рекомендацию для института и заверил, что после получения диплома она всегда сможет вернуться к ним уже в качестве молодого специалиста. Аня долго раздумывать не стала.

Работа оказалась не из лёгких. Сюда, в этот стерильно чистый мир, попадали совсем крохи, порой сразу после рождения. Здесь они проживали свои первые сиротские годы, ожидая дальнейшей судьбы. Дальше кого-то ждали казённые стены детских домов, а кому-то везло больше, и они обретали приёмную семью. Почти каждый малыш боролся с недугом — здоровые дети здесь были редкостью, почти чудом.

Неудивительно, что Светланка снова оказалась в центре внимания. В дни дежурств Анны коллеги из соседних групп то и дело выкраивали минутку, чтобы заглянуть к ней и хоть немного понынчиться с жизнерадостной девчушкой.

Заработки были скромными, но Аня с радостью тратила их на Светланку, стараясь порадовать малышку. Получив у администрации разрешение, она покупала для неё специальные развивающие игрушки и яркие вещи, а каждую минуту рядом старалась скрасить особым вниманием, заботой и играми. Главврач не чинил препятствий. Он и сам привязался к девочке. Справляясь у Анны о том, как идут дела, он прежде всего ждал известий о своей маленькой любимице.

Так пролетел год. Аня поступила в институт, и ей пришлось доверить Светланку заботам коллег. Девочку вот-вот должны были перевести к ребятам постарше.

* * *

Оставив предзачётные волнения в душевных аудиториях, подружки решили зайти в любимую кофейню. Учёба отнимала все силы, и такие посиделки за чашкой кофе случались нечасто.

— Давай заглянем в детский магазин, — Аня взяла Ольгу под руку.

— Зачем это тебе? — Оля вскинула брови и подозрительно покосилась на подругу. — Или я чего-то не знаю?

— Да знаешь ты всё, — засмеялась Аня. — Помнишь, когда мы с тобой познакомились, я рассказывала, что работала в доме малютки?

Ольга на мгновение прищурилась, выживая из памяти старый разговор.

— А-а! Ты про ту малышку, что осталась одна сразу после рождения? Которая потом еще так тяжело болела...

— Да, про неё, — Аня грустно улыбнулась. — Я очень давно не получала о ней вестей. Хочу купить ей кофточку... и плюшевого зайца, она их обожала. Попробую передать через девочек со смены или самого главврача.

Она на мгновение задумалась, и её взгляд потеплел. Где-то в глубине души Аня таила робкую надежду: а вдруг главврач вспомнит её, сжалится и разрешит хотя бы на минуту обнять Светланку?

— Кроха уже подросла, изменилась, наверное... Очень хочется хоть мельком взглянуть на неё. Пойдём в отдел игрушек?

Ольга пожала плечами:

— Ну, пойдём, всё равно гуляем.

Она помолчала, протяжно выдохнула и мотнула головой, словно отгоняя тягостные мысли.

— Всё-таки хорошо, когда рядом есть добрые люди. Такие, как ты. Ведь эти детки совсем обделены судьбой...

Аня улыбнулась:

— Ты это к чему?

— Я как-то читала в газете про один детский дом... — Ольга заметно помрачнела. — Там с ребёнком беда случилась. По вине воспитательницы.

Анну обдало волной внезапного страха. Сердце глухо стукнуло, замерло на мгновение и вновь бешено заколотилось. Непонятно почему, в душе возникла твёрдая, пугающая уверенность: Ольга говорит о Светланке.

— А... что именно ты знаешь? — Аня принялась рассеянно разглядывать вкрапления гранита на серой ленте тротуара, боясь поднять глаза и выдать волнение.

— Да я мало что запомнила, — Ольга пожала плечами, глядя прямо перед собой. — Помню только вспыхнувший внутри ужас: как женщина, которой доверили жизнь маленького ребёнка, могла допустить его гибель? Как таких вообще к детям подпускают?

Всё нутро Ани съжилось в оцепенении. В ушах зашумело, а перед глазами вдруг всплыло знакомое лицо — светлое, доверчивое, с той самой улыбкой, которая расцветала каждый раз, стоило приблизиться к малышке.

Стараясь сбросить наваждение, она сжала пальцы так, что побелели костяшки.

Ольга заставила Аню остановиться и, склонившись, заглянула ей прямо в глаза.

— А ты чего так разволновалась? Неужели думаешь, что это та самая девочка?

Аня отвела встревоженный взгляд и крепче сжала локоть подруги.

— Нет... думаю, нет. Просто... показалось.

Но тревога успела пустить корни, и вырвать её из сердца Аня уже не могла.

* * *

Ночь прошла в мучительном ожидании. На следующий день, как только после первой пары выдалось окно, Аня сразу направилась в дом малышки.

Оказавшись у кабинета главврача, она уверенно постучала и открыла дверь, надеясь увидеть знакомое лицо, но замерла на пороге. Из-за стола на неё смотрела совершенно чужая, строгая женщина в белом халате.

— Чем могу вам помочь, девушка?

Аня на секунду замешкалась, поёжившись под стальным, колючим взглядом.

— Простите... я могу поговорить с главным врачом?

— Я вас слушаю, — женщина нахмурилась, не скрывая раздражения. — Что у вас за вопрос?

Анна на мгновение потеряла дар речи. Где-то глубоко в груди больно кольнуло — тревога, поселившаяся со вчерашнего дня, снова дала о себе знать.

— Но.. ещё недавно здесь работал другой главврач...

— Он здесь больше не работает, — сухой, хлесткий ответ полоснул воздух, словно лезвие бритвы.

Аня опешила. Она уже повернулась к выходу, растерянно пробормотав робкое *извините*, но вдруг остановилась и резко обернулась:

— А девочка?

В распахнутых глазах Ани промелькнула искра слабой надежды, а всё тело напряглось от страха услышать непоправимое:

— Светланка... Она сейчас должна быть в старшей группе.

Главврач впилась в неё пристальным взглядом:

— На каком основании вы спрашиваете меня об этом ребёнке?

— Я работала здесь, — едва выдохнула Анна. — Хотела навестить её... Мне... мне она не чужая.

— В каком смысле не чужая? Вы кем приходитеесь девочке? Родственница?

Анна растерянно покачала головой:

— Нет, но...

— Тогда ничем не могу вам помочь. Информация о детях посторонним лицам не предоставляется. Советую для начала обратиться в органы опеки.

Она нетерпеливо посмотрела на часы, давая понять, что визит окончен, и снова колко взглянула на девушку. Но Анна выглядела так, что смотреть на неё было больно. Строгость во взгляде главврача медленно сменилась сочувствием. Немного подумав, она тихо добавила:

— Девочки с таким именем здесь нет. Это всё, что я могу вам сказать.

Сердце ухнуло с такой силой, что Ане показалось будто его тяжёлую гулкую дробь слышат все вокруг. В глазах потемнело. Ничего не видя перед собой, она вышла из кабинета и медленно прикрыла дверь.

* * *

Аня нетерпеливо считала гудки — томительное ожидание казалось вечностью. Наконец в трубке раздался голос подруги.

— Оля, та статья про детский дом... Ты рассказывала. Постарайся вспомнить всё, что там случилось. До мельчайших деталей. Прошу тебя!

— Ань, это было несколько месяцев назад. Я не помню всех подробностей, — голос Ольги звучал растерянно. — Но, кажется, заметка вышла в нашей местной газете.

Аня провела не один час в библиотеке, просматривая подшивку за подшивкой в поисках того самого номера. Суд над виновницей трагедии, судя по газетным хроникам, состоялся ещё осенью. Анна смутно помнила эту нянечку: неприветливая, вечно недовольная, словно измученная какими-то проблемами. Всего несколько раз они сталкивались в коридорах дома малютки.

Коллеги тогда шептались, что человек она, в сущности, неплохой, просто жизнь у неё совсем не задалась. Поговаривали, будто её дочь связалась с дурной компанией, выносила вещи из дома, а несчастная мать тянула этот крест в одиночку. Прежний главврач жалел её и закрывал глаза на вечную усталость, давая возможность подработать. У него просто не хватало духу уволить женщину, на которую навалилось столько бед.

В статье приводились лишь сухие факты, без подробностей. Аня ловила себя на том, что перечитывает одни и те же строки снова и снова, будто надеялась найти между ними то, чего там не было. Похоже, городские власти не хотели шумихи. Публикация выглядела формальностью, попыткой успокоить взволнованных горожан и сообщить, что виновная в страшной трагедии понесёт наказание.

Имя ребёнка не называлось. Лишь сообщалось, что погибла маленькая девочка. Смерть наступила по причине халатности сотрудника учреждения.

Аня уронила голову на стол и заплакала.

* * *

Номер бывшего главврача нашёлся в старом мобильнике. Аня впервые похвалила себя за привычку годами хранить ненужный хлам. Цепляясь за эту последнюю ниточку, она спешно нажимала потёртые кнопки, словно боялась, что старый аппарат в самый неподходящий момент выйдет из строя.

— Здравствуйте, Анечка. Конечно, я вас помню, — голос в трубке звучал тихо, надломленно, словно каждое слово давалось бывшему доктору с трудом.

— Скажите, это... случилось с ней? Я прочитала в газете... — еле слышно выдавила Анна. Она так и не смогла произнести вслух имя Светланки.

В трубке повисла пауза. Слишком длинная, чтобы быть случайной.

— Да.

Это короткое слово, прозвучавшее с мучительной болью, ударило наотмашь. Последняя иллюзия, за которую Аня так отчаянно держалась, окончательно рассыпалась в прах.

Несколько секунд она не могла вымолвить ни слова. Вопросы всплывали из ниоткуда, словно пузырьки воздуха из бездны. Как? За что? Почему никто не остановил, не заметил, не вмешался? Как это могло случиться с ней — всеобщей любимицей, такой живой и светлой? Где справедливость? Она так боролась за жизнь... так радовалась каждому дню.

На воздушную ткань блузки упали тяжёлые капли слёз. Желание закричать сдерживал лишь болезненный ком, намертво перехвативший горло.

— Вы знаете, где её похоронили? — казалось, эти слова произнёс кто-то другой, не она.

— Я знаю это место, Анечка, — голос его совсем сел, превратившись в едва различимый шёпот. — Я сам занимался документами... перед уходом. Такое невозможно забыть.

Он замолчал, словно хотел добавить что-то ещё, но так и не решился.

* * *

У детской могилы под берёзой, по стволу которой тянулся к свету цепкий плющ, в тяжёлом молчании замерли двое: молодая девушка, похожая на сгорбленную старушку, и рано поседший, сутулый мужчина.

Под маленькой деревянной табличкой, привалившись к колышку, сидел плюшевый заяц, сиротливо свесив длинные уши в раскисшую от холодного дождя землю.

Максим

Огромные детские глаза, наполненные глубокой печалью, неотрывно смотрели через запятнанное пальцами стекло на торопливо удаляющуюся женскую фигуру.

Почему она ушла? Почему сказала, что больше не придёт? Неужели он и правда никогда больше не увидит маму?

Максим очень хотел заплакать, но почему-то не мог. Обида жгла глаза, а в горле застрял болезненный ком. В голове роились вопросы без ответов. Холодный страх тисками сдавливал грудь. Он хотел позвать её, открыть это наглухо заклеенное на зиму окно и крикнуть:

— Не уходи!

Казалось, голос вот-вот сорвётся, но губы лишь беззвучно шептали: *Мама*. Максим не мог пошевелиться. Руки безвольно повисли вдоль щуплого, словно онемевшего тела и не хотели слушаться, а ноги сделались ватными.

Как закончился тот день, он уже не помнил.

За неделю до этого

— Пойдём, я провожу тебя в твою комнату, — директор взял холодную руку Максимки в свою тёплую ладонь, улыбнулся широкой, доброй улыбкой и вышел с растерянным пареньком в длинный коридор.

За тридцать лет работы он научился распознавать подобные случаи почти сразу и безошибочно предвидел итог. Кажется, директор слишком хорошо понимал, почему этот мальчик оказался в интернате.

Сомнения закрались в душу руководителя ещё во время звонка давнего друга, когда тот, вкратце обрисовав ситуацию в семье своих знакомых, попросил о встрече. А уже через несколько дней в кабинете директора сидели мать и сын.

— Мне очень неловко просить вас об этом, — на красивом лице изящной женщины невозможно было прочесть никаких эмоций. — Но мне бы хотелось оформить Максима на некоторое время в ваш интернат. Органы опеки готовы пойти навстречу, если вы подтвердите, что у вас есть свободное место. Дело в том, что я очень занятой человек, у меня постоянные гастроли, выступления, репетиции. Иногда сын остается один. Кроме того, меня беспокоит его поведение, порой я просто не могу с ним справиться — он бывает совершенно неуправляем.

Директор внимательно смотрел на мальчика. Голова Максимки была опущена — он старался не встречаться с матерью взглядом. В те редкие моменты, когда он всё-таки поднимал глаза, в них отчётливо читались смятение и страх. Детские пальцы не находили покоя, перебирая край свитера. Плечи поникли. Во всей его позе сквозили бессилие и обречённость.

Огромный опыт подсказывал директору, что между матерью и сыном происходит нечто иное. В поведении Максима не было и тени неадекватности — ничего, что выходило бы за рамки нормы. Мальчик совсем не походил на ребёнка с тяжёлым, неуправляемым характером.

— Вы не волнуйтесь, — женщина равнодушно пожала плечами. — Если возникнут какие-то дополнительные расходы на обучение или содержание, я готова оказать вашему учреждению финансовую помощь. В полном объёме.

Подписав необходимые бумаги и оставив на стуле небольшой пакет с вещами Максимки, женщина поспешила к выходу. И перед тем, как за ней захлопнулась дверь, не прозвучало ни одного ласкового, подбадривающего слова в адрес сына. Не коснулась нежно мальчишеской макушки материнская ладонь. Ни объятия, ни даже взгляда в сторону ребёнка.

Это было похоже на бегство.

Доверив Максима дежурному воспитателю, директор распорядился о первичном обустройстве вновь поступившего воспитанника и с тяжёлыми мыслями вернулся в свой кабинет. Если его худшие предположения подтвердятся, что будет с этим мальчиком?

Годом ранее

Школьная медсестра Таня ворвалась в кабинет директора без стука.

— У вас найдётся минутка? Мне нужно срочно с вами поговорить.

— Что-то случилось, Танечка?

— Вы должны увидеть это своими глазами.

Таня ввела Максимку за руку и легонько подтолкнула ближе к директорскому столу. Она осторожно раздвинула густые волосы на затылке мальчика, затем бережно засучила рукава его рубашки и приподняла майку на спине.

— Я спрашивала, что случилось, но он молчит, — тихо произнесла медсестра, стараясь не напугать ребёнка ещё сильнее. — Не похоже, что он поранился сам. На теле застарелые гематомы, шрамы, а некоторые следы — совсем свежие. Это не обычные бытовые травмы. Я уже поговорила с классным руководителем — в школе конфликтов не было. Всё это происходит с ним дома. Мы обязаны немедленно сообщить в опеку и полицию.

* * *

Как ни пытался сотрудник полиции разговорить мальчугана, узнать хоть что-нибудь не удавалось. Максимка лишь тихо шептал:

— Я сам упал.

А потом и вовсе уходил в себя.

— Давай-ка с мамой поговорим. Помнишь номер? — инспектор склонился к нему.

Максим вздрогнул и поднял округлившиеся от страха глаза. Взглянув на человека в форме, он слабо помотал взъерошенной головой и прошептал бесцветными губами:

— Не надо. Я боюсь...

* * *

Резкий звонок нарушил тишину холостяцкой квартиры. Не глядя на экран, Александр снял трубку.

— Саша, мне нужна твоя помощь, — раздался знакомый, до боли родной голос.

Он замер, вслушиваясь в торопливую речь. С каждым словом складка между бровей становилась всё глубже. В это невозможно было поверить. Мира... Его нежная, хрупкая Мира — и такое? Как она могла?

Александр тряхнул головой, прогоняя оцепенение. Сейчас не время для расспросов. Нужно немедленно забрать мальчика. А всё остальное — потом.

— Что с Максимом? Где ты сейчас? — бросил он в трубку. — Я немедленно выезжаю.

Он спешно набросил пальто, схватил ключи от машины. Остановился на пороге, подумал несколько секунд и вернулся в комнату. Достал из сейфа пачку купюр, положил деньги во внутренний карман и направился к выходу.

Он надеялся решить всё как можно скорее. В конце концов, у него сохранились определённые связи. Нужно сделать всё возможное, чтобы случившееся осталось делом семейным. Он всё уладит.

* * *

Остаться в полицейском участке Максимке пришлось недолго. Вскоре на пороге появилась Мира — ссутулившаяся, с прикованным к полу взглядом. И не одна. Спокойный Александр уверенно зашёл следом, и тесные казённые стены тут же словно расступились перед ним. Максим совсем не узнал в нём того дядю Сашу, который заходил к ним на чай с пакетом ароматных пончиков. Тогда весь дом будто становился светлее. Рядом с ним даже мама преобразалась: из её голоса исчезали жёсткие нотки, она чаще улыбалась и смотрела на сына с той редкой нежностью, которой Максимке так не хватало. В такие моменты ему казалось, что мама любит его, несмотря ни на что.

Полицейский нажал кнопку селектора, и в кабинет зашла женщина.

— Пойдём, подождём снаружи, — она осторожно взяла Максимку за руку и вывела в коридор.

Сквозь приоткрытую дверь просачивались обрывки сурового мужского разговора. Иногда доносился тихий, оправдывающийся голос Миры. Наконец взрослые вышли. Александр подошёл к мальчику и на секунду прижал большую ладонь к его макушке.

— Всё хорошо, — он посмотрел Максимке прямо в глаза. — Поехали домой. Я с тобой.

* * *

Мира бесшумно закрыла дверь детской и на мгновение прислонилась к ней, переводя дух. Пройдя на кухню, она тихо произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.